

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.034>
УДК- 343.3/7

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ, В РОССИИ В ПЕРИОД X-XVIII ВВ.: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Якубов С.Ф.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье на основе компаративистского метода осуществлено историко-правовое исследование становления и развития процесса пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, в России периода X-XVIII вв. с целью определения его специфики и основных тенденций, что и характеризует её актуальность. В итоге изучения целого ряда источников отечественного права, начиная от Устава Владимира Святославовича и вплоть до Артикула воинского 1715 г. и Морского устава, автор определил основные направления пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, установил ее специфику: сохранявшееся на протяжении X-XVIII вв. разделение процесса пенализации в отношении деяний, непосредственно образующих незаконный оборот психоактивных веществ, и преступлений, в которых они выступали орудием; отнесение незаконных действий с психоактивными веществами к преступлениям против веры и обусловливание этим суровости наказания; феномен гендерной пенализации в отношении женщин; установление смертной казни как за деяния, составляющие незаконный оборот психоактивных веществ, так и за убийство путем отравления.

Ключевые слова: криминализация, пенализация, психоактивные вещества, незаконный оборот, уголовная ответственность, наказание, смертная казнь.

PENALIZATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING IN PSYCHOACTIVE SUBSTANCES IN RUSSIA IN THE PERIOD X-XVIII CENTURIES: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Sergey F. Yakubov

Kuban State University

Abstract In the article, on the basis of the comparative method, a historical and legal study of the formation and development of the process of penalization of crimes related to the illegal circulation of psychoactive substances in Russia in the period of the 10th-18th centuries was carried out. in order to determine its specifics and main trends. Based on the results of studying a number of sources of domestic law, starting from the Charter of Vladimir Svyatoslavovich and up to the Military Article of 1715 and the Marine Charter, the author identified the main directions for penalizing crimes related to the illegal circulation of psychoactive substances, established its specifics: separation of the process of penalization in relation to acts that directly

form the illegal circulation of psychoactive substances, and crimes in which they acted as a tool; attributing illegal actions with psychoactive substances to crimes against faith and causing the severity of the punishment; the phenomenon of gender penalization of women; the establishment of the death penalty both for acts constituting the illegal circulation of psychoactive substances, and for murder by poisoning.

Keywords: *Criminalization, penalization, psychoactive substances, illegal circulation, criminal liability, punishment, death penalty.*

Введение.

История пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, неразрывно связана с развитием медицины, формированием государственной социальной политики и борьбой за централизацию власти.

Несмотря на то, что территория Древней Руси не располагала к активному распространению потребления наркотических средств, ядовитых и психотропных веществ, в языческих обрядах активно использовались некоторые из них. Ряд российских авторов обращают внимание на то, что древние славяне применяли для врачевания более 100 психоактивных веществ, которые получали из луговых трав, лесных мхов, ягод, грибов и т.п. [1, с. 17; 2, с. 26]. Исследователи истории развития противодействия потреблению психоактивных веществ в России справедливо указывают, что в древнерусских источниках все они получили единое наименование – «зелье» [3].

Результаты.

Ретроспективный анализ истории института ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом психоактивных веществ, на протяжении X-XVIII вв. в России от-

четливо свидетельствует о том, что уже в Уставе князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» (1051-1054 гг.) устанавливался строгий запрет на использование психоактивных веществ в ходе языческих обрядов. Однако потребление таких веществ было наказуемо лишь в законодательстве Петра I. Отдельные нормативные установления в законодательных актах указанного периода традиционно регламентировали наказуемость причинения смерти путем отравления. Изначально, незаконный оборот психоактивных веществ рассматривался как преступление против веры, что, прежде всего, формировало концепт греха, то есть посягательства против Бога. Санкция за указанные деяния устанавливалась максимально строгой и предусматривала смертную казнь.

Следовательно, начиная с момента возникновения российской государственности, происходило формирование системы государственного контроля оборота психоактивных веществ.

По мере развития государства и общества целеполагание указанного процесса трансформировалось и шло по пути от решения задачи вытеснения язычества, создания единой нации и формирования устойчивой государ-

ственности до обеспечения стабильности государственной власти, защиты семейных устоев (да не убей жена мужа) и здоровья населения. В законодательстве рассматриваемого периода происходит четкий водораздел между психоактивными веществами как предметом преступления против веры и психоактивными веществами как орудием убийства.

Процесс пенализации соответствующих деяний обладал ярко выраженной спецификой.

Во-первых, это установление на протяжении всего рассматриваемого периода суровой санкции – смертной казни. В Соборном уложении 1649 г. в отношении отравителей был закреплен принцип талиона – смертная казнь отравителя путем отравления.

Во-вторых, наиболее строго наказывалось отравление мужа женой, за что предусматривалась смертная казнь путем закапывания заживо.

В результате формировался регрессивный феномен гендерной пенализации. Кроме того, хотя законодательство и не устанавливало иммунитетов в отношении уголовной ответственности священнослужителей, правоприменительная практика свидетельствовала о неприменении смертной казни за хранение психоактивных веществ в отношении данной группы.

В-третьих, наказуемость указанных деяний в период X-XVIII вв. была обусловлена не стремлением обеспечить охрану здоровья населения, а целью укрепления государственной власти, обеспечения стабильности в обществе через проникновение христи-

анской морали.

В-четвертых, в рассматриваемый период категоричный аппарат уголовно-правовых норм опирался на понятие «зелье», и лишь к XVIII в. произошло его вытеснение категорией «отрава», что дает основание для вывода о постепенной переоценке законодателем объекта преступного посягательства, связанного с незаконным оборотом психоактивных веществ.

В-пятых, развитие процессов криминализации и пенализации деяний, образующих нелегальный оборот психоактивных веществ, привело к конструированию двух видов квалифицированных убийств – путем отравления и отравление со специальным субъектом – женою мужа.

Обсуждение.

Следует констатировать, что формирование политики противодействия потреблению психоактивных веществ на заре российской государственности отражало потребность в консолидации территории и общества под властью единого правителя и единого религиозного концепта – христианства, что требовало разрыва родоплеменных связей и низложение идей язычества как их духовного оплота. Именно поэтому первые упоминания о наказуемости потребления и использования психоактивных веществ совпадают с крещением Руси и свидетельствуют о суровости наказания – вплоть до смертной казни (ст. 38 Устава князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» (1051-1054 гг.)) [4; 5, с. 22]. Обращает на себя внимание явно выраженное

гендерное звучание указанной нормы, поскольку в ней речь идет о жене-«зелейнице». Думается, это отражало существовавшую практику времени, так как в язычестве чаще всего ведущими были именно женщины. Помимо указания на неизбежность наказания при изобличении зелейницы Устав содержал норму о расторжении брака (ст. 53). Вместе с тем в летописях имеются свидетельства того, что незаконные действия с «зельем» совершали и мужчины. Так, в летописи за 1379 г. приводятся сведения о том, что был «пойман священник с лютыми зельями и за вину свою сослан в заточение на озеро Ланче» [6, с. 352].

В авангарде борьбы с язычеством и его обрядами стояла христианская церковь, на которую власть возложила функцию не только внедрения нового религиозного верования, но и низложение активных носителей язычества – ведов-врачевателей. Священнослужители, наделенные полномочиями розыска, изобличения и поимки лиц, осуществляющих «ведьство», «зелиничество», «чародеяния», «волхования», стали преследовать жрецов, волхвов и других представителей язычества [7, с. 17]. Подобная политика закреплялась и в более поздних источниках древнерусского права. Так, Смоленская уставная грамота (1136 г.) князя Ростислава Мстиславовича относит к подсудности церковного суда (епископа) дела о применении зелий и убийстве, совершенном с их применением: «судить их сам епископ ... зелья и душегубства – тяжа епископля» (ст. 11) [8, с. 212, 215, 219-220]. Анало-

гичные положения закреплялись и в ст. 9 новгородского Устава великого князя Всеволода «О церковных судах, и о людях, и о мерилах торговых» (редакция XIII–XIV вв.) [9, с. 345-369].

Прежде всего, вне закона были объявлены языческие обряды, так называемое «ведьство» [10, с. 56]. Согласно ст. 9 Устава князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» (1051-1054 гг.) (Пространная редакция, XII в. – первая четверть XIII в.) запрещались «ведовство, изготовление зелий, колдовство». В соответствии со ст. 16, лечение больных возлагалось на лекарей, находившихся под покровительством церкви. В Русской правде содержались запреты на проведение лечения без воли больного и осуществление обрядов с использованием «зелья» [11, с. 109].

Многие отечественные авторы обращают внимание на то, что указанные нормы были сформированы под влиянием Византийской парадигмы взаимоотношений человека и Бога [12, с. 199; 13, с. 31]. Согласно бытовавшим в Византии в тот период представлениям, «всякое колдовство от бога отвлекает, ибо всякий занимающийся чародейством есть богоотступник и должен быть наказан смертью» [14, с. 307]. В этой связи, А.А. Левенстим на основе изучения «правил Отцов церкви» писал, что Устав князя Владимира «точнее называется Устав по греческим Номоканонам Самодержца русской земли Великого князя Владимира Киевского и всея Руси, крестившего русскую зем-

лю, о церковных судах и десятинах и о церковных людях» [14, с. 307]. Был солидарен с подобными выводами и другой дореволюционный ученый – И.В. Сергеевич [15, с. 303].

Вместе с тем, несмотря на концепцию греха, применительно к использованию психоактивных веществ для врачевания, в названный период времени устанавливалось наказание только за использование указанных средств врачевателями. Следовательно, ответственность за их потребление в древнерусском праве отсутствовала. Несомненно и то, что на повестке дня не стоял вопрос о вредоносности для общества и здоровья отдельных лиц психоактивных веществ. Сходный вывод сформулирован в работах ряда отечественных авторов [16, с. 10; 17, с. 7, 10]. По сути, на заре российской государственности происходит переход контроля над оборотом психоактивных веществ от языческих жрецов к христианской церкви. Так, ст. 16 Устава князя Владимира Святославовича лечение больных возлагалось на лекарей, находившихся под покровительством Церкви. Справедлив в этом аспекте вывод Д.Я. Самоквасова о том, что место языческого закона занимает христианский закон [18, с. 5].

Помимо криминализации использования зелья в языческих обрядах, самостоятельная ответственность предусматривалась для лиц, использующих психоактивные вещества с целью убийства [19, с. 213-217].

По мнению В.М. Грибовского, Устав князя Владимира предусматривал «зелейничество» как особый вид

*убийства (отравление). Применительно к другим церковным уставам он рассматривает «зелейничество» как составление ядов [20, с. 95, 99]. Пенализация указанного деяния была максимально суровой, поскольку за него предусматривалась смертная казнь (ст. 11 Грамоты князя Ростислава Мстиславовича) [21, с. 213-217]. Данный подход находит подтверждение и в *Лаврентьевской летописи, описывающей установление наказания для лиц, собирающих травы, копающих корни для изготовления «чревоотравного зелья»: смертная казнь через отравление его же зельем [22].**

Таким образом, несмотря на первые шаги формирования уголовной ответственности за незаконный оборот психоактивных веществ, уже в X в. законодательство Руси разграничивало ответственность за применение зелья в языческой медицине (ведьство) и за использование его для причинения смерти. Обращает на себя внимание ситуация, отражающая объективную многогранность психоактивных веществ, которые в преступлении могут приобретать роль либо предмета незаконного врачевания, либо орудия реализации преступного замысла. Тем не менее, пенализация в обоих случаях была сурова и предполагала смертную казнь.

Несмотря на предпринятые беспрецедентные меры, народное целительство на Руси продолжало свое существование в активной форме. Это обусловливалось, прежде всего, отсутствием иной альтернативы – так называемой, научной медицины. Между

тем, уже в дореволюционных научных источниках данная политика подвергалась справедливой критике. В качестве основного аргумента выступало несомненное преимущество традиционного знахарства – его историческая адаптация к природно-климатическим условиям жизни в тех или иных местностях страны [23, с. 9].

Неудачи в деле искоренения традиционного врачевания были обусловлены также и тем, что государство выбрало неэффективный силовой метод подавления вместо использования мягкого перехода и постепенного вытеснения языческих обрядов и народного целительства современной для своего времени фармакологией и медициной.

Концепт приравнивания народного целительства к греху, внедряемый представителями официальной христианской религии, разбивался о проверенный веками народом опыт врачевания, тем более, что аптеки как оплот научной фармакологии начали появляться в России лишь во второй половине XVI в. Первая возникла в Москве в 1581 г. Однако с появлением аптек возникают новые криминальные вызовы – изготовление и сбыт контрафактных лекарственных средств. Не утрачивает своей значимости и проблема использования психоактивных веществ в качестве орудия убийства.

Как отмечает П.Е. Заблудовский, в указанный период нередко фиксировались случаи насильственной смерти, в том числе и бояр, лекарствами, при-

обретенными в зеленых лавках [24, с. 25].

В дошедших до нашего времени документах содержатся примеры применения указанных положений. Так, в 1497 г. великий князь Иван Васильевич (1440-1505 гг.) заподозрил свою жену в том, что к ней приходят зелейницы, задержал посетительниц, обыскал и обнаружив зелье, велел их утопить ночью в реке Москве [25, с. 101].

Дальнейшее развитие пенализация незаконного оборота психоактивных веществ получила в «Стоглаве» (1551 г.). Данный источник права содержал в своей структуре гл. 93 «Ответ о том же еллинском бесовании и волховании и чародейнии», в которой определялась наказуемость таких деяний, как ведовство (ворожба), потворы (колдовство), чародейство, волхование и зелейничество, «упрекание три: бляднею и зелии, и еретичеством» [26, с. 337]. Указанные деяния относились к исключительной подсудности духовного суда. В Стоглаве прямо указывалось, что всякое волхование «отречено есть от бога, яко бесовское служение есть» [27].

Процесс укрепления российской государственности и централизации власти, стремление перенаправить в государственную казну максимальные потоки поступлений неизбежно вели к постепенному отделению церкви от государства.

Первые отголоски данного процесса проявились в Московском государстве уже к середине XVII в., в частности, в передаче контроля над оборотом психоактивных веществ в компетен-

цию воевод. С конца XVI в. все аптекари были подчинены специальному должностному лицу, именуемому аптекарским боярином.

Под эгидой государства по всей Московии активно развивалась сеть аптек. В 1699 г. был создан контролирующий орган в сфере фармацевтики – Аптекарский приказ. В его компетенцию входила обязанность контроля качества поставляемых в царские палаты лекарств [28, с. 10]. В целях контроля запрета на потребление табака, отнесенного в рассматриваемый период к ядовитым веществам, «Наказ о градском благочинии» царя Алексея Михайловича предписывал «объезжим головам» совместно с «десятскими, назначениями из местного населения» днем и ночью контролировать соблюдение указанного запрета, как на улицах, так и в корчмах [29, с. 74].

Таким образом, данное положение является собой первый опыт заботы государства именно о сохранении здоровья населения, что для рассматриваемого периода, безусловно, прогрессивно.

Как и в источниках древнерусского права, в Соборном уложении отражен подход к суровой пенализации, проявившийся в установлении смертной казни за отравление зельем (ст. 23 гл. XXII Соборного уложения 1649 г.) [30, с. 369-371]. Указанный документ, закрепляя безапелляционное отношение государства к указанным деяниям как преступным – «лихое дело», оперировал категорией «лихое зелье». Многие из знахарей торговали ядами и были замешаны в делах об отравле-

нии [31, с. 209]. Специфика пенализации в рассматриваемом источнике проявилась в том, что в качестве наказания за указанные деяния применялось отравление. Многие исследователи справедливо указывают на пример реализации, в данном случае, принципа талиона [32, с. 334; 33, с. 255].

Обращает на себя внимание изменение терминологии закона. Так, в гл. 22 Соборного уложения 1649 г. произошел отказ от категории «зелье», широко используемой в законодательстве предыдущих периодов, в пользу понятия «отрава» [34].

Таким образом, законодатель более точно формализовал в норме специфику предмета преступления, отображая его общественно опасные свойства, что свидетельствует о постепенном формировании в недрах средневекового права понимания направленности данной группы преступлений на здоровье человека.

Сохранялся суровый подход к пенализации и в отношении лиц, совершивших убийство путем отравления. Так, ст. 14 гл. XXII Соборного уложения 1649 г. предусматривала смертную казнь в случае, если «жена учинит мужу своему смертное убийство или окормит его отравой», а ст. 23 этой главы устанавливала, что «кто кого отравит зельем, и от тоя отравы тот, кого отравят, умрет, и того, кто такое злое дело учинит, пытать накрепко... и пытав его, казнити смертию» [35, с. 155, 156; 36, с. 249, 250; 37, с. 130-131].

Особо следует обратить внимание на специфику отношения к пенализа-

ции отравления, совершенного женой, поскольку в данном случае в законе прописывался конкретный способ смертной казни – вкапывание убийцы и ее соучастниц в землю стоя или на коленях по плечи вместе с руками [38, с. 577]. Столь жестокая смертная казнь была отменена лишь Указом от 19 февраля 1689 г. [39, с. 15], которым окапывание заменялось отсечением головы. Для отравителей мужчин способ смертной казни не устанавливался. Подобные карательные меры были обусловлены социальным заказом, поскольку специфика общества того времени, особенности заключения браков, бесправное положение женщины и ее полная зависимость от мужа зачастую провоцировали совершение отравления мужей [40, с. 63].

Сохранение смертной казни было обусловлено не только высокой степенью общественной опасности, но и высокой распространенностью в российской действительности XVI-XVII вв. отравлений [37, с. 390]. Об этом свидетельствует и издание именного указа от 23 декабря 1689 г. «О казни волшебников за предсказывание возмущения и за обещание обратиться, посредством чародейства, благорасположение Царя Петра Алексеевича и Матери Его, Царицы Наталии Кирилловны, к преступникам и о наказании соучастников в сих преступлениях» [41, с. 48-52].

Абсолютизация государственной власти в начале XVIII в. отразилась и на проблеме контроля оборота психоактивных веществ. В начале XVIII в. был издан Указ Петра I от 22 ноября

1701 г. «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о введении оных Посольскому приказу и об уничтожении зеленых лавок» [42, с. 177]. К ряду компромиссных мер следует отнести включение в Воинском Артикуле 1715 г. незаконного врачевания в число преступлений против веры. Однако контроль их оборота оставался в руках государства. Согласно п. 9 и 10 Указа о создании в г. Санкт-Петербурге Генерал-полицмейстерского управления 1718 г., на полицию возлагалась обязанность осуществления надзора за всеми подозрительными домами [32]. Надлежало их досматривать и о таких дворах подавать «изветы и явки», и, кроме того, контролировать лиц, склонных к потреблению опьяняющих веществ [43].

Расширение границ Российской империи породило проблему распространения опиумокурения (Амурская, Приморская и Туркестанская области). Императорской волей были изданы Указы о запрете опиумокурения и гашишекурения [44, с. 15].

Как было отмечено ранее, в главе первой «О страхе божии» Артикула воинского устанавливался запрет на незаконное врачевание с использованием сильнодействующих и ядовитых препаратов, что относилось к чародейству [45, с. 91-113]. Аналогичные положения имелись и в главе «О благом поведении на корабле» Морского устава [46, с. 49]. Достаточно суровой была санкция за данное деяние, хотя она и ставилась в зависимость от фак-

та наступления вредных последствий – без таковых предусматривалось жестокое заключение, «в железах, гонянием шпицрутен ...». Если же в результате чародейства наступал вред здоровью, то за это предусматривалась смертная казнь в виде сожжения. Особо следует подчеркнуть, что в указанный период времени к числу наказуемых относилось потребление психоактивных веществ. В Артикуле воинском сохранялась суровая пенализация в отношении использования ядов для отравления – смертная казнь через колесование (арт. 162). Как и в Соборном уложении, законодатель оперировал категорией «отрава», постепенно отказываясь от архаичного термина «зелье».

В Морском уставе от 13 января 1720 г. (кн. V «О штрафах», гл. XV «О смертном убийстве») в ст. 107 устанавливалось наказание в виде смертной казни за убийство, в том числе совершенное путем отравления психоактивными веществами [47, с. 76]. Расширение рамок уголовной ответственности за отравление происходит за счет привлечения к ней не только за умышленное деяние, но и совершенное по неосторожности. Ярким свидетельством того является Именной указ с боярским приговором от 4 марта 1686 г. «О наказании лекарей за умерщвление больных по умыслу или по неосторожности» [48, с. 747-748].

В дальнейшем, монархи последовательно продолжали политику жесткого контроля за легальным оборотом лекарственных средств и тотального запрета немедицинского обращения

психоактивных веществ.

Так, сенатским указом от 1 июля 1729 г. «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим свидетельств о знании медицины» был введен запрет на врачевание лицами, не имеющими медицинского образования [49, с. 219].

Законом от 23 апреля 1733 г. «Об учреждении полиции в городах» [50, с. 163], Указом Анны Иоанновны от 8 января 1733 г. «О запрещении продавать в рядах, в лавках и на торжках мышьяк и всякие ядовитые материалы и о наказании, кто в таковой непозволительной продаже окажется виновным» [51, с. 12-13], Уставом благочиния [51, с. 169] и Полицейским Уставом от 8 апреля 1782 г. [51, с. 174] именно на полицию возлагалась функция обнаружения и пресечения незаконного оборота психоактивных веществ. Указ Анны Иоанновны от 8 января 1733 г. устанавливал строжайший запрет на торговлю в зеленых лавках ядовитыми веществами.

Важной вехой в процессе упорядочения оборота лекарственных психоактивных веществ явилось принятие 20 сентября 1789 г. Аптекарского устава, в целом ряде пунктов которого (п. 17, 18) прописывались правила оборота соответствующих лекарственных препаратов.

Заключение.

Проведенное исследование отчетливо свидетельствует об уходящей глубоко в историю отечественного права традиции суровой пенализации деяний, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, что

имело под собой причины политического, духовного и экономического содержания. Сравнительно-правовой анализ позволяет понять не только парадигму становления уголовной политики в период X-XVIII вв., но и опре-

делить перспективы ее развития на современном этапе в отношении установления эффективного социального контроля над оборотом психоактивных веществ.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть представлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. *Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: учеб. пос. / под ред. А.Н. Сергеева. М., 2001.*
2. *Харьковский Е.Л. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ / под ред. А.В. Наумова. М., 2003.*
3. *Калачев Б.Ф. Наркотики на Руси [Электронный ресурс]. URL: http://narkotiki.ru/research_5283.html (дата обращения: 12.06.2023).*
4. *Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости: монография. М., 2001.*
5. *Шалагин А.Е. Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности: монография. М., 2015.*
6. *Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. VI: Исследования о различных предметах законовещения. СПб., 1859.*
7. *Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: учеб. пос. / под. ред. А.Н. Сергеева.*
8. *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984.*
9. *Устав кн. Всеволода // Серафим Владимирович Юшков (Труды выдающихся юристов). М., 1989.*
10. *Георгиевский Э.В. К вопросу о Законе Русском и его уголовно-материальных установлениях // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4.*
11. *Кочетков А.Д. История становления российского законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Молодой ученый. 2021. № 9 (351).*
12. *Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.*
13. *Федоров А.В. Ответственность за деяния с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами по праву княжеского периода и русского централизованного государства (X-XVII вв.) // Наркоконтроль. 2009. № 4.*
14. *Левенстим А.А. Суеверие и уголовное право // Вестник права. XXXVI. Книга первая. СПб., 1906.*

15. Сергеевич В. *Лекции и исследования по древней истории русского права*. СПб., 1910.
16. Зелик В.А. *Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: дис. ... канд. юрид. наук*. Краснодар, 2001.
17. Шмелева Е.Г. *Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Тюмень, 2008.
18. Самоквасов Д.Я. *История русского права*. Изд. 2-е. М., 1899.
19. *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси*. М., 1984.
20. Грибовской В.М. *Древнерусское право (Краткий обзор чтений по истории русского права)*. Вып. I. Петроград, 1915.
21. *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси*.
22. *Лаврентьевская летопись 1377 г. [Электронный ресурс]*. URL: <https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/Project/page>Show.php> (дата обращения: 12.06.2023).
23. Бертенсон Л.Б. *Несколько слов о знахарском и шарлатанском врачевании и о германском законопроекте, направленном к ограничению вреда от такого врачевания // Журнал русского общества охраны народного здоровья*. 1911. № 2.
24. Заблудовский П.Е. *История медицины и здравоохранения*. М., 1966.
25. Штамм С.И. *Судебник 1497 года*. М., 1955.
26. *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства*. М., 1985.
27. *Стоглав. Собор 1551 г. [Электронный ресурс]*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/#0_99 (дата обращения: 12.06.2023).
28. Фисюн В.В. *Противодействие незаконному обороту лекарственных средств и фармацевтических препаратов (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2011.
29. Дьяков С.В. *Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность*. М., 1999.
30. *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства*. М., 1985.
31. Левенстим А.А. *Суеверие и уголовное право // Вестник права. XXXVI. Книга вторая*. СПб., 1906.
32. Калачев Н. *Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. Том II*. М., 1842.
33. Кистяковский А.Ф. *Исследование о смертной казни*. Изд. 2-е. СПб., 1896.
34. *Соборное Уложение 1649 года. [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#22> (дата обращения: 12.06.2023).
35. *Полное собрание законов Российской империи. Т. I (1649-1675)*. СПб., 1830.
36. *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов*. М., 1985.
37. *Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии*. Л., 1987.

38. Именной указ от 11 мая 1663 г. «О окапывании в землю жен за убийство мужей» подтверждал: «таких женок... окапывать в землю по-прежнему» // Полное собрание законов Российской империи. Т. I (1649-1675). СПб., 1830.

39. Именной указ с боярским приговором «О неокапывании в землю жен за убийство мужей их, а об отсечении им головы» от 19 февраля 1689 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. III (1689-1699). СПб., 1830.

40. Фейербах П.А. Уголовное право. Книга вторая, содержащая положительную или особенную часть уголовного права с приложением российских уголовных законов, к каждому преступлению порознь относящихся. СПб., 1811.

41. Полное собрание законов Российской империи. Т. III (1689-1699). СПб., 1830.

42. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. IV. 1700-1712, ст. 1879. СПб., 1830.

43. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. № 3203.

44. Левин И.С. Бузо-гашииный вопрос на наших окраинах. СПб., 1909.

45. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X-XX веков. Саратов, 2006.

46. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI (1720-1722). СПб., 1830.

47. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI (1720-1722). СПб., 1830.

48. Полное собрание законов Российской империи. Т. II (1676-1688). СПб., 1830.

49. Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII (1728-1732). СПб., 1830.

50. Законодательство периода становления абсолютизма. Т.4 / под общ ред. О.И. Чистякова. М., 1994.

51. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. IX. 1733-1736, ст. 6304.

References

1. Counteraction to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: textbook. settlement / ed. A.N. Sergeev. M., 2001.

2. Kharkovsky E.L. Criminal liability for illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances / ed. A.V. Naumov. M., 2003.

3 Kalachev B.F. Drugs in Rus' [Electronic resource]. URL: http://narkotiki.ru/research_5283.html (date of access: 06/12/2023).

4. Berezin S.V., Lisetsky K.S., Nazarov E.A. Psychology of drug addiction and codependence: monograph. M., 2001.

5. Shalagin A.E. Drug trafficking is a threat to national security: a monograph. M., 2015.

6. Nevolin K.A. Full composition of writings. T. VI: Studies on various subjects of jurisprudence. SPb., 1859.

7. Counteraction to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: textbook. settlement / under. ed. A.N. Sergeev.

8. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / ed. O.I. Chistyakov. T. I. Legislation of Ancient Rus'. M., 1984.

9. Charter book. Vsevolod // Serafim Vladimirovich Yushkov (Proceedings of outstanding lawyers). M., 1989.

10. Georgievsky E.V. To the question of the Russian Law and its criminal-material regulations // Siberian Legal Bulletin. 2004. No. 4.

11. Kochetkov A.D. The history of the formation of Russian legislation in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Young scientist. 2021. No. 9 (351).

12. Suvorov N.S. *Traces of Western Catholic Church Law in the Monuments of Ancient Russian Law*. Yaroslavl, 1888.
13. Fedorov A.V. *Responsibility for acts with narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances by the law of the princely period and the Russian centralized state (X-XVII centuries)* // *Narcocontrol*. 2009. No. 4.
14. Levenstim A.A. *Superstition and criminal law* // *Herald of Law*. XXXVI. Book one. SPb., 1906.
15. Sergeevich V. *Lectures and research on the ancient history of Russian law*. SPb., 1910.
16. Zelik V.A. *Criminal-legal and criminological aspects of countering drug addiction in Russia: dis. ... cand. legal Sciences*. Krasnodar, 2001.
17. Shmeleva E.G. *Illegal circulation of potent or poisonous substances for the purpose of sale: criminal law and criminological aspects: author. dis. ... cand. legal Sciences*. Tyumen, 2008.
18. Samokvasov D.Ya. *History of Russian law*. Ed. 2nd. M., 1899.
19. *Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / ed. O.I. Chistyakov. T. 1. Legislation of Ancient Rus'*. M., 1984.
20. Gribovskoy V.M. *Old Russian Law (A Brief Review of Readings on the History of Russian Law)*. Issue. I. Petrograd, 1915.
21. *Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / ed. O.I. Chistyakov. T. 1: Legislation of Ancient Rus'*.
22. *Laurentian chronicle of 1377 [Electronic resource]*. URL: https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (accessed 12.06.2023).
23. Bertenson L.B. *A few words about sorcerer's and quack healing and the German bill aimed at limiting the harm from such healing* // *Journal of the Russian Society for the Protection of People's Health*. 1911. No. 2.
24. Zabludovsky P.E. *History of medicine and public health*. M., 1966.
25. Strain S.I. *Sudebnik of 1497*. M., 1955.
26. *Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / ed. O.I. Chistyakov. T. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state*. M., 1985.
27. *Stoglav. Cathedral of 1551 [Electronic resource]*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/#0_99 (date of access: 06/12/2023).
28. Fisyun V.V. *Counteraction to the illegal circulation of medicines and pharmaceuticals (criminal and criminological aspects): author. dis. ... cand. legal Sciences*. M., 2011.
29. Dyakov S.V. *State crimes (against the foundations of the constitutional order and state security) and state crime*. M., 1999.
30. *Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / ed. O.I. Chistyakov. T. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state*. M., 1985.
31. Levenstim A.A. *Superstition and criminal law* // *Herald of Law*. XXXVI. Book two. SPb., 1906.
32. Kalachev N. *On criminal law according to the Sudebnik of Tsar John Vasilyevich* // *Legal notes published by P. Redkin. Volume II*. M., 1842.
33. Kistyakovskiy A.F. *Study on the death penalty*. Ed. 2nd. SPb., 1896.
34. *Cathedral Code of 1649. [Electronic resource]*. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#22> (date of access: 06/12/2023).
35. *Complete collection of laws of the Russian Empire. T. I (1649-1675)*. SPb., 1830.
36. *Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / ed. O.I. Chistyakov. T. 3. Acts of Zemsky Sobors*. M., 1985.
37. *Cathedral code of 1649. Text. Comments*. L., 1987.

38. *The nominal decree of May 11, 1663 “On digging wives into the ground for the murder of their husbands” confirmed: “such wives ... dig in the ground as before” // Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. I (164).*

Информация об авторе:

Якубов Сергей Фрунзикович, соискатель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кубанского государственного университета, Краснодар, E-mail: kup_kubgu@mail.ru

Sergey F. Yakubov, Candidate of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Kuban State University, Krasnodar.